

Дмитрий Ланев

16+

ЧЕРТА ОСЕДЛОСТИ

Старцев

Дмитрий Ланев
Черта оседлости

«Автор»

2020

Ланев Д.

Черта оседлости / Д. Ланев — «Автор», 2020

Это три рассказа о нашем современнике. Когда-то, еще в СССР, в порыве романтических чувств он искренне высказался о вводе войск в Афганистан, что дорого ему обошлось. Через много лет он также перешел дорогу кому-то сильному, но неизвестному, за что тоже поплатился. Но только наши времена поставили точку в его истории. В оформлении обложки использована авторская фотография.

© Ланев Д., 2020

© Автор, 2020

Содержание

От автора	5
ЧЕРТА ОСЕДЛОСТИ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Дмитрий Ланев

Черта оседлости

От автора

Важнейшее качество разумного человека, на мой взгляд, это способность задавать вопрос «Почему?», искать и находить на него ответ. Поэтому три рассказа про Николая Ивановича Старцева я разместил в обратном хронологическом порядке. Чтобы ответить на вопрос, почему случилось то, что случилось.

ЧЕРТА ОСЕДЛОСТИ

Бьется солнце о тучи

Над моей головой...

/Б. Гребенщиков/

Старик с длинными седыми волосами, в кожаных штанах и куртке с тисненым орлом на спине сидел на высоком барном стуле в одной из кофеен Петроградской стороны, и смотрел в окно на пересечение улиц и на свой байк у тротуара. Черные штаны и, особенно, куртка придавали его фигуре брутальность и мощь, которой, скорее всего, не было в теле – в вырез футболки можно было заметить худые ключицы и морщинистую шею.

Было восемь утра. Кофейня только что открылась, кроме старика в нее успела заскочить только парочка старшеклассниц из гимназии неподалеку. Они сидели за столиком голова в голове, рассматривали что-то в телефонах, иногда хихикали.

На Старцева они не обращали никакого внимания. А это действительно был он – профессор Николай Иванович Старцев. Когда-то горячий юноша со стихами Вертинского, потом узник психбольницы, беглец из нее, затем восстановленный в правах любимый студентами преподаватель, профессор, удостоенный престижных наград и, в конце концов, изгнанный из Университета за то, что отказался прикрыть инициированный им же студенческий сатирический журнал. На обложке его очередного номера был нарисован колокол с огромной трещиной, похожей очертаниями на Урал.

– Ну, конечно, это же намек на будущую границу Сибирской республики, – сказал ему тогда коллега Гернштейн, – какой Ученый совет такое потерпит? Тем более, в такие времена!

Теперь это был просто «Профессор» без имени, без заслуг, купивший подержанный «Харлей» и втиснувшийся в общество байкеров, которое потеснилось, дало ему соответствующую роду занятий кличку, и, в общем, спокойно поделившись с ним куском своей своеобразной свободы. Старцев не говорил им, что ветер в лицо, рев моторов, удивленные или недовольные глаза пешеходов – это не свобода. Это просто одно большое звено цепи, по которому они несутся, накручивая круги. Он решил покататься с ними. Некоторое время. А потом – видно будет. Решил так, понимая, что «потом» – это не понятие, это измерение, в котором обычно оказываешься внезапно, часто не по своей воле.

Анна опаздывала. А чего ожидать от молодой женщины, талантливой и своенравной? Она обожает свою скрипку. Потому и опаздывает всегда и отовсюду – с репетиций, с концертов, от каких-то знакомых музыкантов.

Зашли две женщины бальзаковского возраста. У каждой большая сумка. Взяли по капучино и пирожному. Сели недалеко.

Из внутренних помещений вышла девушка в коричневой фирменной пилотке, в руках держала бумажный лист, оказалось – объявление. Подошла к двери, приклеила скотчем листок к стеклу. Повернулась и пошла обратно.

– Закрываетесь, что ли? – спросила одна из женщин.

– Нет, просто с шестого апреля работаем только на вынос. И доставка, – ответила девушка в пилотке.

– А! Вирус и до нас добрался, – сказала вторая.

– У нас генетическая проспиртованность, – весело добавила первая, – нас никакой вирус не возьмет!

– Пусть попробует, сам сдохнет! – поддержала вторая.

Они говорили о пандемии нового коронавируса; судя по объявлению на двери, ставшей не новостью, а событием.

Зазвучал Бах из телефона – звонил Гернштейн.

– Слышал? – резко спросил д.э.н, не удосужившись поздороваться.

– Нет, – ответил Старцев.

– Наш, – Гернштейн сделал многозначительную паузу, – объявил нерабочие, слушай дальше – оплачиваемые дни. И рекомендации – сидеть дома, не высовываться! До конца месяца.

– Не понятно, – усмехнулся Старцев, – внеплановые общенародные каникулы? А как твои студенты?

– Со студентами просто: дистанционка, задания по почте, видеоконференции. У нас и ресурс подготовлен. А вот мне племянник звонил. Пребывает в шоке. У него фабричка небольшая, что-то пластмассовое делают. Люди спрашивают, как эти дни оплачиваться будут. А он мне звонит – консультируется, мол, как это понимать. Я же доктор экономических наук, к тому же – с юмором.

– Ну, ты ему конечно, ответил?

– Конечно, отослал к первоисточнику.

– К телевизору?

– Ты что! Нет, конечно, к книжной полке. Я недавно томик афоризмов купил, так вот один запомнился: «Настоящее чиновничье государство – это стремление подоить корову до того, как она поест. И еще содрать шкуру, поскольку шкура корове во время доения только мешает – чешется».

– И что сказал племянник?

– Племянник выразился нецензурно. Сказал, что пусть раскупоривает кубышку и платит тот, кто объявляет банкет. В общем, ему не смешно.

Старцев увидел через стеклянную дверь Анну. Нижняя половина ее лица была замотана цветастым платком.

– Извини, прощаюсь. Позже созвонимся, – сказал он Гернштейну, поднимаясь навстречу.

Анна ворвалась в кафе, как свежий ветерок. Ветерок действительно ей сопутствовал – просочился через открытую дверь.

Потянулась, подставляя щеку, но вспомнила про повязанный платок и рассмеялась.

– Привет!

– Привет!

– Я тебе маску принесла. Надень.

– Зачем? – удивился Старцев.

– А вот сейчас покажу.

– Что тебе заказать?

– Двойной эспрессо и что-нибудь не сладкое.

Пока Старцев заказывал кофе и выбирал круассан без начинки, Анна достала из кармана телефон.

– Вот смотри, подруга прислала из Милана, – она положила голову на плечо Старцева, чтобы и самой все видеть.

Видео было не длинным. На первом снимали из салона автомобиля, который проезжал по парковке возле супермаркета. По периметру парковки на расстоянии метров двух друг за другом стояли люди в масках и с тележками. Иногда незначительно перемещались на несколько шагов вперед.

Второе видео снимали из окна. По пустой улице мимо закрытых жалюзи витрин медленно, со скоростью прогуливающегося пешехода, ехала полицейская машина. За ней шли двое полицейских – каждый по своей стороне улицы. За ними еще трое. Все в масках. Что-то бубнил по-итальянски громкоговоритель, вероятно, с машины. Потрясал темп и пустота. Именно так, наверное, выглядит рай перед побудкой.

- Да, именно рай. И именно перед побудкой, – подумал Старцев, а вслух произнес:
- Впечатляет.

Анна достала из сумки и протянула ему маску со смешным пяточком с дырочками спереди.

Старцев взял маску, повертел в руках.

– Ты это серьезно?

– Очень серьезно!

– А через нее можно разговаривать? Ты сможешь разобрать, что я тебе скажу.

– Не знаю, но должна предупредить, что ближайший месяц мы сможем говорить только по телефону.

– Почему?

– Я буду на самоизоляции. И тебе советую. Всего месяц.

Анна смотрела на кофе и круассан. Она явно не могла решить, пренебречь ли безопасностью и снять повязку, или отказаться от удовольствия. Но все-таки стащила платок на шею. Старцев смотрел на нее, на шелковые завитки возле уха, вспоминал.

Год назад Гернштейн позвал его на концерт, в котором участвовала его родственница. К тому времени прошло уже четыре года, как навсегда ушла Лариса. Четыре года Старцев только работал и занимался дочерью. Вера, окончив школу, тут же записалась на какие-то бесчисленные языковые курсы, трижды в неделю тренировалась ай-ки-до, крутилась в молодежных организациях экологического и культурного толка. Старцев ее возил, встречал, что-то субсидировал, иногда ненавязчиво объяснял пределы. Наконец Вера поняла, кем хочет стать, и подала заявление в соответствующий университет в Англии.

– Папа, ты ведь меня понимаешь? – спросила она Старцева.

Старцев посмотрел на нее – серьезную, высокую и гибкую, с тринадцати лет носящую короткие стрижки. Конечно, он ее понимал.

– Разумеется. Другого быть не может.

Потом подумал и добавил:

– Денег хватит, не беспокойся.

По случаю концерта Старцев сменил джинсы на костюм, завязал галстук. Вера, прилетевшая на каникулы и тоже приглашенная, критически осмотрела его и вынесла вердикт:

– Мама бы одобрила.

Сама она надела темно-синее платье, туфли. Старцев представил, как они будут идти по фойе, и подумал:

– А ведь кто не знает, что дочь, могут подумать черт знает что!

Так оно и случилось. После концерта Гернштейн зазвал всех к себе, включая родственницу-пианистку. С родственницей была подруга – скрипачка. Знакомя их, Гернштейн сказал:

– Николай Иванович Старцев, профессор, кумир молодежи с дочерью Верой.

– Ах, вы дочь! – воскликнула скрипачка.

– Увы, – ответила Вера, – иногда хочется быть просто молодежью.

У Анны оказалось важное для Старцева качество: она умела слушать и задавала вопросы, предполагающие размышления перед ответом и продолжение разговора. Например, она не спросила, было ли холодно, когда Старцев участвовал в лыжном забеге в Университете и сломал лыжу. Тогда пришлось возвращаться пешком и пришлось померзнуть. Она сказала:

– Я на такой случай всегда беру рюкзачок со свитером. На скорость не влияет, а может пригодиться.

Она тоже оказалась лыжницей, и они еще поболтали о том, что если зимы так и будут бесснежными, то придется стать бегунами.

Она также не спросила – через полгода, что его толкнуло тогда с Вертинским – сами стихи, или что-то другое. Она сказала:

– Я думаю, это было страшно. Это ведь был приговор, конец всему. Я бы не смогла.

И подняла на Старцева испуганные глаза. Тогда он и понял, какая она красивая. Как музыка, которую она исполняла. Ею не хотелось обладать, с нею хотелось быть рядом.

В ответ на ее встревоженный взгляд он впервые взял в свои руки ее ладони и, перебирая пальцы, ответил:

– Мне это казалось игрой, серьезной, но игрой. Был расчет на вторую жизнь – задолго до компьютерных игр. Такое было воспитание. В школе проходили «Как закалялась сталь», революционеров помнили по именам. Геройская гибель обещала вечную память. Это теперь все серьезно: либо ты, либо тебя. В порошок, навеки. Даже интернет не спасет – завалит горами фейков.

С того разговора она взяла над Старцевым что-то вроде шефства. Приезжала, готовила еду по особым рецептам.

– Тебе надо правильно питаться, ты ценный представитель человечества, должен дожить до встречи с инопланетным разумом.

– Это твоя скрипка – ценность, – отвечал Старцев.

– Моя скрипка – это оружие, – смеялась Анна. – Вот прилетят злые инопланетяне, а мы выставим против них первоклашек из музыкальных школ, особенно по классу скрипки, и я в первых рядах, как командир. Вот инопланетные мозги и полопаются.

Старцев часто сопровождал ее на концерты, заходил за кулисы, знакомился с музыкантами. Иногда она целовала его в щеку, и тогда Старцев ощущал еле приметный, но чудесный аромат. Конечно, его удивляло, что в тридцать два года она не замужем и не имеет явной связи с кем-то помоложе него. – Я тебе найду мужа, – как то пошутил Старцев.

– Найди, – весело откликнулась Анна, – только знаешь, я привередливая, сварливая и строптивая.

Все-таки, у нее кто-то, вероятно, был. Иначе как объяснить, что иногда на ранних встречах, она выглядела как-то по особенному счастливой.

Когда он купил мотоцикл, она нахмурилась.

– Ты уверен, что это безопасно?

– Уверен, ты сама увидишь, что осторожность – мое второе имя.

Она пожала плечами, но покататься согласилась. В ее репертуаре даже нашлось то, что пришлось по душе новым приятелям Старцева. Они предложили ей пива.

– Кажется, я тебя понимаю, сказала она, пригубив из банки, – после Университета это – самое то. Не удивлюсь, если скоро здесь окажется половина твоих выпускников.

И вот теперь Анна, в полном соответствии со своим пониманием женской ответственности за «безрассудных» мужчин, настаивает на соблюдении им новых правил.

– Безопасная социальная дистанция – полтора метра. Вирус не долетает.

– У него что, завода не хватает?

– Какого завода! – Анна нахмурилась, – завод тут не причем. Просто факт – безопасное расстояние.

– Научный факт?

– Не дураки же все. Весь мир это признал.

– Весь мир – это отговорка. А если я не хочу, если я не боюсь?

Анна нахмурила брови:

– Человек может сам не болеть, но быть носителем, и заразить того, у кого иммунитет слабый. И тот может умереть.

– И что? – спросил Старцев.

Анна не разделяла его насмешливый тон.

– Ну, во-первых, жалко человека. А во-вторых, могут определить, кто его заразил, гуляя без маски, а это – уголовная ответственность.

– Да, именно так – во имя защиты больных, бедных, слабых, обездоленных неинициативных, неподвижных и часто необразованных совершаются преступления против здоровых, богатых, бодро шагающих за горизонт.

– Какой горизонт?

– Горизонт судьбы!

– Ты не прав, – вздохнула Анна.

– Знаешь, – проникновенно проговорил Старцев, – я не пророк, но могу рассказать, как все будет. Сначала будет весело. На масках будут рисовать губки, язычки. Интернет переполнится видео и фото дуреющих от скуки людей: сначала будут показывать кухни, потом спальни. В конце концов и это надоест, люди перестанут шутить по поводу изоляции. Останется раздражение, которое будет нарастать. Но к раздражению легко привыкнуть, как к ноющему колену. Так возникает новый вид – homo пандемикус. Вот в прошлом веке мы были homo советикус, потом вроде встряхнулись, а теперь – новый виток. Все по Дарвину.

– У тебя колено болит? – встревожилась Анна. – Ты не говорил.

– Да нет, ничего у меня не болит. Чувствую себя преступно здоровым... на фоне событий. Старцев помолчал, потом приложил маску к лицу, снова снял:

– У меня недалеко от дачи знакомый живет. Бросил все городское, уехал в деревню, перепелок разводит, коз каких-то коричневых. Так я ему позвонил поздравить с днем рождения, спросил, как живет. А он таким спокойным, скорее даже просветленным тоном отвечает, что он в тот день увидел первого после зимы шмеля. И обрадовался ему больше, чем дню рождения! Вот он переживет всех.

– И как он, доволен жизнью?

– Не знаю. Перепелки, говорит, болеют. Порой даже дохнут. Нет стабильности в хозяйстве.

– Ладно, – сказала Анна, – делай, как знаешь. Мне пора. И по поводу мотоцикла – ты не рано выехал, утром еще ледок на дорогах?

– Соскучился, – ответил Старцев, – стоял в гараже, холодный, мертвый. А тут зафыркал, заурчал, как кот. Я себя просто Христом почувствовал, оживляющим мертвых. Решил до дачи прокатиться, да по окрестностям. Весна ведь.

– Не упоминай Христа всуе, ты же не веришь, – Анна прикоснулась к его щеке губами.

– Пока, будь осторожен.

Старцеву понравился только что придуманный термин «homo пандемикус» и он его с удовольствием повторил. Открытием захотелось поделиться, тем более, что разговор с Гернштейном пришлось прервать, не дослушав до конца про племянника.

Голос у Гернштейна был недовольным, говорил он нехотя, как будто опасался, что переполнявшие его чувства могут вырваться и разнести его мир, как цунами прибрежные японские городки. И его – Гернштейна – миссия укротить эти чувства.

Про племянника сказал одно:

– Собрал рабочих, сказал, что кто хочет воспользоваться любезным предложением свыше, могут идти домой. Зарплату получают, если деньги останутся. Но пока есть заказы, лучше думать о своем кармане. Так что, домой никто не ушел. Пока работают, племянник им какие-то бумажки выписал, чтобы ездить могли, маски выдал, спиртом руки моют. Хотя сам дергается: у него все крупные заказчики – бюджет. Предупредили, что уходят на каникулы, согласно распоряжению.

Выговорившись, Гернштейн стал способен выслушать соображения Старцева об эволюции.

– Начнем с homo erectus – человек встал с четверенек. Потом он стал homo sapiens – начал шевелить извилинами. А в прошлом веке миру был явлен homo советикус, но это локальное

явление, может быть, проба на прочность. Ну а теперь все идет к тому, что вывелся homo пандемикус.

– И в чем разница, – спросил Гернштейн.

– Разница есть. Хомо советикус был счастлив, получал удовольствие от ощущения себя винтиком, частью большой системы, грандиозного механизма, достающего до луны. Он был счастлив жертвовать собой, близкими, всем дорогим ради величия системы. Не лидеров нации, заметь, не ЦК – всей системы. Этим он отличался от хомо сапиенс. Тот был упертым первопроходимцем, рыскал везде в поисках наживы и придумал, что кольт делает людей равными, то есть творит чудеса.

А хомо пандемикус – он помешан на безопасности, самолюбовании, неприкосновенности тела, заметь, не личности – тела. Доиграются, «большой брат» обеспечит им безопасность, в первую очередь – от самих себя. Никто не уколется, не обожжется, не посадит занозу при выстругивании рогатки. Забудьте про «Эмиля из Ленеберги» с его ножиком в пять лет. Не положено в пять лет иметь ножик – опасно.

И это не волчья стая. И не Тимур с командой. Это даже клеткой назвать нельзя. Это улей. Знаешь, в улье, функционал рожденной пчелы зависит от температуры. Если в улье не хватает, например, рабочих пчел, то те, которые отвечают за развитие личинок, то ли нагревают их, то ли охлаждают до той температуры, когда рождаются именно работяги. Вот – пчелы умеют, а человек долго вокруг этого бродил, на звезды поглядывал. И тут на тебе, какой удобный случай – вирусишка расшалится. Как бы сказал сейчас Вольтер: если бы вируса не было, его следовало бы выдумать.

– А дальше то что?

А дальше трудный путь в гору. Сначала встать с четверенок, потом пошевелить извилинами. Потом, наверное, не обойтись без того, чтобы встать плечом к плечу... Но как тут встанешь, если социальная дистанция?

– Да, замкнутый круг. Какая-то социальная магия.

– Это не магия, не выдуманный круг мелом на полу против нечисти, это реальная черта оседлости. Проведенная по живому, узаконенная.

– Да, помолчав, ответил Гернштейн, – черта оседлости. Рыбы глаза чиновников. И овчарки.

Поговорив с Гернштейном, Старцев поднялся, но был остановлен очередным звонком. Это был Вячеслав, спросил:

– Ты как, в маске?

– Нет.

– И я нет, – удрученно ответил Вячеслав, – не достать. Ни в одной аптеке нет. Нашел в интернете по полтиннику за штуку. И то, только завтра доставят.

– Вернусь, свою отдам. У меня, похоже, многоразовая.

– А ты сам как?

– Пока не решил. Анна уверяет, что маска необходима, но не достаточна. Для полной безопасности нужно спрятаться, запереться, общаться только по телефону и сетям. С тревогой прислушиваться к шуму подъезжающих машин и шагам на лестнице: вдруг – врачи за соседом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.